

Ю. П. Аверкиева

О МЕСТЕ ВОЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В ИСТОРИИ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

В этнографической науке до последнего времени слабо еще изучены особенности переходного периода от родового общества к классовому. Не совсем уточнены такие сложные проблемы этого этапа в истории человеческого общества, как характер институтов и норм, сменяющих родовое устройство. Правда, общепризнанным в настоящее время можно считать положение о том, что формы родовой структуры долго бытуют и в этот период, хотя внутреннее их содержание коренным образом меняется.

Сжатая и предельно четкая характеристика этой эпохи дана Ф. Энгельсом в предисловии к первому изданию его труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Определив основную закономерность родового общества, Энгельс писал: «Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые социальные элементы, которые в течение поколений стараются приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту»¹.

Вся работа Энгельса посвящена по существу анализу конкретных исторических примеров этой эпохи разложения родового строя и становления классового общества. А в IX, заключительной главе своего труда Энгельс исследует «общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества...»².

В настоящее время установленные Энгельсом экономические причины и закономерности распада родового строя и становления новых форм общественных связей убедительно прослеживаются в работах не только советских ученых, но и большинства зарубежных этнографов.

Большинство ученых видит основные причины, вызывающие становление новых форм общественных связей, в появлении частных богатств, в развитии частной собственности на средства производства — скот, рабов, позднее на землю.

Начиная с Моргана, этот переходный период получил в науке название военной демократии. Главными ее особенностями Л. Г. Морган считал сохранение от родового строя первобытного демократизма и «господство военного духа». Демократизм он видел, во-первых, в том, что структурными единицами военно-демократической организации общества были роды, фратрии и племена, и, во-вторых, в том, что народ был свободен выбирать и смещать должностных лиц (вождей) и контролировать их действия. Впервые он нашел этот строй у ацтеков³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

² Там же, стр. 156.

³ L. H. Morgan, *Laws of descent of the Iroquois*, «Proceedings of the eleventh meeting of the American Association for the Advancement of Science», Cambridge, (Mass.) 1858.

«Там, где господствует военный дух, как это было у ацтеков,— писал Морган,— там естественным путем при родовых учреждениях возникает военная демократия»⁴. Морган считал, что военно-демократический строй «не подрывает свободного духа родов и не ослабляет демократических принципов, но гармонически с ними сочетается»⁵. Однако в свете накопленных знаний теперь совершенно очевидна идеализация Морганом ацтекского общества, переоценка им ацтекского демократизма. Особенно это сказалось в положении Моргана о том, что ацтекская конфедерация по своей структуре и симметричности стояла, вероятно, ниже конфедерации ирокезов⁶.

В «Древнем обществе» Морган выделяет четыре этапа в развитии межплеменных объединений: от временных объединений для взаимной защиты, через более или менее длительный оборонительный и наступательный союз, к постоянной конфедерации (подобной ирокезской) и затем к полному слиянию племен в единый народ (например, *populus hominus*). К. Маркс в своем конспекте «Древнего общества» особо подчеркивает эти выводы Моргана⁷.

«Общественное устройство американских туземцев,— писал Морган,— началось с рода и кончилось конфедерацией, причем последняя была высшей точкой, достигнутой их общественными учреждениями»⁸. Ирокезы и ацтеки по Моргану — «два выдающихся примера индейской конфедерации»⁹. Но, анализируя далее общественное устройство ацтеков, Морган высказывает сомнение, «была ли организация ацтеков просто оборонительным и наступательным союзом под главенством племени ацтеков или же конфедерацией»¹⁰. Эту противоречивость в оценке Морганом уровня развития ацтеков отчасти можно объяснить тем, что главную цель своего изучения ацтекского общества Морган видел в опровержении распространенной в историографии того времени, точки зрения на ацтекское общество как монархию. Отсюда подчеркивание им демократических принципов этого общества, стремление проследить в нем нормы родового общества.

Военной демократией называл ацтекское общество и современник Моргана, известный мексиканист А. Банделье¹¹. Крупнейший современный мексиканский археолог и этнограф А. Касо также пользуется этим термином при характеристике ацтекского общества, но он, равно как и авторитетный исследователь ацтекского общества Ф. Кац, считает, что ацтекское общество ушло в своем развитии ко времени конкисты значительно дальше, чем допускал Морган¹².

К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокий анализ исторической сущности военно-демократического строя на материалах из истории греков героического периода (XII—IX вв. до н. э.) и римлян так называемого царского периода (VIII—VI вв. до н. э.). Они показали, что, хотя военная демократия и основывается еще на родах, фратриях и племенах, но вырастает из них, представляя следующий, более высокий этап развития общества. Характерной особенностью этого этапа Маркс и Энгельс считали появление частных богатств, неравное их распределение и зарож-

⁴ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 125.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, М., 1941, стр. 89.

⁸ Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 40.

⁹ Там же, стр. 78.

¹⁰ Там же, стр. 120.

¹¹ A. F. Bandelier, On the art of war and mode of warfare of the ancient Mexicans, «10-th Annual Report of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology», vol. 2, 1877; «Pioneers of American Anthropology: The Bandelier — Morgan letters 1873—1883», Albuquerque, vol. 1, 1940, p. 174.

¹² A. Caso, The Aztecs, people of the Sun, Norman, 1958, p. 90, F. Katz, Die Sozialökonomischen Verhältnisse bei Azteken im 15 und 16 Jahrhundert, Berlin, 1956.

дение на этой основе антагонистических классов. Родовая структура общества на этом этапе носит формальный характер, фактически же оно представляет собою антитезу родовому обществу. Институты родового общества преобразуются в органы управления, с помощью которых богатая племенная верхушка подчиняет себе основную массу соплеменников.

Демократизм военно-демократического строя заключался в более или менее широкой базе развивающихся органов управления, в участии в управлении вооруженного народа. «Военачальник, совет, народное собрание,— писал Ф. Энгельс,—образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию. Военную потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война становится постоянным промыслом»¹³.

Советские археологи, историки и этнографы обнаружили военно-демократический строй как у древних обитателей европейских степей, так и у многих народов Средней Азии и Казахстана XI—XVII вв. Важное значение в теоретическом изучении общесоциологической сущности военной демократии имели работы С. П. Толстова и М. О. Косвена¹⁴.

На большом конкретном материале советскими учеными было уточнено место военной демократии в истории общества как переходной эпохи от доклассового общества к классовому, как эпохи развития отношений экономического и социального неравенства и формирования ранней формы государственности, призванной охранять возникавшую частную собственность от коммунистических принципов распределения предшествующей эпохи. Характеризуя социальное содержание этой эпохи. С. П. Толстов справедливо заключает, что общество на этом этапе «и доклассовое и классовое одновременно, потому что это общество революционной перестройки всех общественных отношений, когда средствами, заимствованными из родового общества и приспособленными к задачам новой эпохи, осуществляется создание базы классово-антагонистического общества»¹⁵.

Новейшие исследования народов Америки и Африки дают богатый материал, подтверждающий и конкретизирующий сделанные современной наукой выводы о сущности военной демократии.

Можно сказать, например, что в раннеколониальный период территория современных США была страной господства военных демократий над периферийными племенами.

На востоке господствовали сильные военно-демократические конфедерации племен ирокезов, пуухатанов, криков, натчезов, делавшие набеги на племена к западу от них. В центре американских степей действовали воинственные племена кочевых коневодов и охотников — черноногие, дакоты, кроу, команчи и др., с явными признаками становления военных демократий. Их влияние распространялось и на лесные племена, жившие между р. Миссури и Великими Озерами на востоке, и на племена предгорий Скалистых гор на Западе. За Скалистыми горами, на северо-западном побережье развивались военные демократии приморских племен рыболовов-охотников.

Материалы по истории этих племен в колониальный период позволяют установить своеобразие становления военной демократии, с одной стороны, у оседлых земледельческих племен и у племен кочевников-коневодов и охотников — с другой. Характерный пример первых дают ирокезы и племена юго-востока Северной Америки.

Ирокезская конфедерация в исследованиях Моргана предстает как высший рубеж в развитии индейцев Америки. С этой оценкой места кон-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

¹⁴ С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», М.—Л., 1935, № 7—8; М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 54, М., 1960.

¹⁵ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 207.

федерации в истории индейского общества соглашался, как известно, и Энгельс, писавший: «Союз ирокезов представляет самую развитую общественную организацию, какую только создали индейцы»¹⁶. Но, обобщая сведения о ней Моргана, Энгельс добавляет, что «образование союза племен означает уже начало ее (родовой организации.— Ю. А.) разрушения, как мы это еще увидим и как мы это уже видели на примерах попыток ирокезов поработить другие племена»¹⁷. Обращает на себя внимание тот факт, что, ставя ирокезскую конфедерацию в один ряд с ацтекской и даже выше ее, Морган нигде не называет ирокезское общество военно-демократическим. Однако материалы, содержащиеся в его книге «Лига ирокезов» и в специальной главе «Древнего общества» о структуре и деятельности ирокезской конфедерации, бесспорно характеризуют ирокезское общество той эпохи как военную демократию.

Особенности ирокезской конфедерации Морган восстанавливал по воспоминаниям и преданиям ирокезов середины XIX в., когда они уже почти столетие жили в резервациях США и Канады, по которым уцелевшие остатки ирокезских племен были разбросаны после полного разгрома их конфедерации войсками США в 1779 г. Сравнительно редко обращался исследователь к письменным источникам XVII—XVIII вв., по которым в наши дни ученым удастся более полно проследить деятельность конфедерации в период колонизации Северной Америки европейскими державами.

В свете современных исследований очевидно, что Л. Г. Морган был недостаточно последователен в оценке уровня развития ирокезского общества. Об ирокезах он писал: «В эпоху открытия они были по своему уму и развитию высшими представителями красной расы к северу от Новой Мексики, хотя, пожалуй, стояли ниже некоторых племен Мексиканского залива по своим производствам. По широте и качеству своих умственных способностей они должны быть причислены к самым развитым индейцам Америки»¹⁸.

Эта непоследовательность объясняется не только недостаточным учетом Морганом данных исторических источников, но и специальными целями, которые он перед собой ставил, изучая ирокезское общество. Он стремился раскрыть закономерности развития родового строя. Об этом говорят и его слова, что ирокезские роды он берет в качестве типических образцов этого института в «ганованской семье», и особенно следующая фраза, хорошо раскрывающая специфичность его интереса именно к ирокезам: «Ирокезы провели свою схему управления от рода до конфедерации, осуществив ее полностью в каждой из частей этого строя, и дали превосходную иллюстрацию возможностей родовой организации в ее архаической форме»¹⁹. Характеризуя ирокезский род как архаический, Морган показал его в развитии, понимая, что созданием конфедерации родовая организация ирокезов достигла своей «высшей точки».

Сама архаичность ирокезского рода понималась Морганом весьма относительно. Высказав положение, что род возникает «в периоде дикости» и «изменяется от своих низших к высшим формам вместе с прогрессивным развитием людей»²⁰, Морган относил ирокезский род к низшей ступени варварства, на которой, по его определению, они были открыты. Говоря о счете происхождения по женской линии, как признаке архаического рода, Морган отмечает, что этот счет «восходит до среднего периода дикости, например, у австралийцев, сохраняется у американских туземцев на высшей ступени дикости и низшей ступени варварства со слу-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 95.

¹⁷ Там же, стр. 99.

¹⁸ Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 74.

¹⁹ Там же, стр. 42.

²⁰ Там же, стр. 38.

чайными исключениями»²¹. Таким образом, низшая ступень варварства мыслилась Морганом как высший этап развития архаического рода в его ирокезской форме. Главная мысль Моргана заключалась в том, что ирокезский род — непосредственный предшественник греческого и римского рода. Не случайно он на протяжении всего своего исследования так часто сопоставляет его с родами древних греков и римлян. Два основных признака — счет родства по женской линии и наследование имущества умершего сородичами — отличает, по мысли Моргана, ирокезский «архаический» род от римских и греческих родов²².

Так же определяли место ирокезского рода в истории первобытного общества и классики марксизма. В начале главы «Варварство и цивилизация» Ф. Энгельс писал, например: «Возникнув на средней ступени дикости... род достигает своего расцвета на низшей ступени варварства»²³. Но Энгельс увидел, как уже отмечалось, в общественном устройстве ирокезов не только расцвет рода, но и начало его разрушения и связал этот процесс с деятельностью ирокезской конфедерации. Главную заслугу Моргана классики марксизма видели в том, что он обосновал учение о роде как основной форме первобытного общественного строя и показал его в развитии, доказав, что отцовскому роду всюду предшествовал материнский. Морган, по словам Энгельса, «в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»²⁴.

Не случайно реконструируемый Морганом родо-племенной строй ирокезов, хотя и сохранял еще некоторые признаки более древней материнско-родовой организации, в основном отражал черты военно-демократического строя, который для ирокезов, современников Моргана, был также уже эпохой далекого прошлого.

Очевидно, что в памяти ирокезов об их прошлом смешивались признаки двух периодов их истории и древние черты родового строя и черты эпохи военной демократии. Поэтому род и племя в описании Моргана совершенно отчетливо рисуются как структурные единицы ирокезской конфедерации. При перечислении, например, прав и обязанностей ирокезского рода на первое место Морган ставит право избирать и смещать сахемов и вождей, указывая, что это право рода ограничено и что выбранные родом должностные лица должны утверждаться советом племен и советом союза племен. И это понятно, потому что сахем рода был членом совета племен и совета союза племен. Таким образом, Моргану удалось восстановить лишь самые общие черты рода. Это неоднократно отмечалось и Ф. Энгельсом. Например, в предисловии к первому изданию своего труда Энгельс пишет: «Великая заслуга Моргана состоит в том, что он открыл и восстановил в главных чертах эту доисторическую эпоху нашей писаной истории...»²⁵.

Труд Моргана действительно был открытием, ибо в то время, когда он восстанавливал основные черты родового устройства, у ирокезов от той эпохи оставался, говоря словами Маркса, «лишь запах ладана»²⁶.

Неудивительно, что в своем стремлении установить особенности родо-племенного строя ирокезов Морган упустил из виду или недооценил социальный смысл явлений, уже возникших в ирокезском обществе, но противоречивших нормам родового строя. О глубоких социальных изменениях в ирокезском обществе XVII—XVIII вв. говорило появление товарного промысла пушнины, превращение войны в промысел, завоева-

²¹ Там же, стр. 41.

²² Там же, стр. 39.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 156.

²⁴ Там же, стр. 26. Мы не будем останавливаться здесь на том, что накопленные ныне фактические материалы показали ошибки Моргана в его оценках уровня развития ряда индейских племен.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

²⁶ К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», стр. 139.

тельная экспансия ирокезов, наличие в ирокезском обществе рабства и разных форм эксплуатации покоренных племен: одних, например, делаваров, ирокезы заставляли обрабатывать для них землю, а с других племен собирали дань мехами. Морган не учитывал значения меховой торговли — основного стержня, вокруг которого развивалось ирокезское общество в XVII—XVIII вв., и формировалась сама их конфедерация.

Дата возникновения конфедерации ирокезских племен пока еще окончательно не установлена в науке. Как известно, Л. Г. Морган и Г. Хэйл считали, что она возникла в середине XV в., тогда как Бошамп и Хьюпорт относили ее возникновение к концу XVI в. Но как убедительно показал известный историк ирокезских войн Дж. Хант²⁷, еще в начале XVII в. не были известны объединенные выступления ирокезских племен. Зато множество данных свидетельствует об их разобщенности и даже столкновениях между этими племенами. Небольшие ирокезские отряды, предпринимавшие в начале XVII в. военные походы с целью грабежей и торговли на р. Св. Лаврентия (где торговля мехами велась уже с начала XVI в.), формировались по родовому, либо племенному принципу. Однако к 1630-м годам в ирокезском обществе произошли коренные изменения: европейские товары, особенно ружья, боеприпасы и металлические орудия и посуда, твердо вошли в быт, и продажа мехов с целью приобретения этих товаров стала для ирокезов жизненно важной. Вскоре хищнический отстрел пушного зверя привел к его истреблению в районе расселения ирокезских племен. Перед ирокезами встала проблема поисков новых источников пушны. Она-то и толкнула ирокезов на путь ярко описанных в литературе истребительных войн и завоеваний против соседних племен, начало которых Хант датирует 1626 г.²⁸ В своем исследовании Дж. Хант приходит к хорошо аргументированному выводу о том, что именно войны и создали конфедерацию, как наступательный союз пяти ирокезских племен.

Почти на всем протяжении последующих двух столетий в ирокезском обществе действительно господствует «военный дух», культ войны и героев. Это героический период ирокезской истории. Материальной основой «военного духа» была жажда наживы путем захвата мехов и охотничьих угодий у племен, живших к северу и западу от ирокезов. Уже в 1637 г. могауки покорили и обложили данью могикан, которым до этого сами платили дань. Начав с 1642 г. грабительские набеги на торговые флотилии гуронов, объединенное войско могауков и сенека, состоявшее из 1000 воинов, в 1649 г. положило конец существованию этого процветающего и многочисленного племени. В 1651 г. могауками и сенека было частью уничтожено, частью захвачено в плен и разогнано племя «нейтральных». В 1654 г. были покорены и разогнаны эри, а в 1675 г. такая же участь постигла сусквеханноков. Земли этих племен, «очищенные» от их обитателей, превратились в охотничьи угодья ирокезов. Но ирокезы продолжали свои набеги на племена, жившие далее к западу, в районе Великих Озер.

Наряду с военной деятельностью, ирокезы искусно применяли к своей выгоде тактику мирных договоров как с индейскими племенами, так и с соперничавшими между собой колонизаторами: французами и голландцами, французами и англичанами. С конца XVII в. ирокезская Лига пользовалась враждой между европейскими державами и играла роль буфера между расширяющимися колониями Франции и Англии.

В этих исторических условиях развивался военно-демократический строй ирокезского общества, руководство которым все более сосредоточивалось в руках вождей и военачальников. Суживались его исходные первобытно-демократические основы. Оформлялись органы управления

²⁷ G. T. Hunt, *Wars of the Iroquois*, Madison, 1960.

²⁸ Там же, стр. 22.

как в каждом племени, так и общесоюзные. Необходимость в этих органах диктовалась как внешней политикой войны и мира ирокезских племен, нуждами управления покоренными племенами и взимания с них дани, так и осложнявшимися отношениями внутри племен, что было следствием развивавшихся внутри ирокезского общества противоречий между богатыми и бедняками, между военной элитой и наследственными сахемами, между свободными и рабами, между ирокезами и включавшимися в их племена большими группами из покоренных племен. О широких размерах практики так называемого «усыновления» чужеплеменников ирокезскими племенами свидетельствуют сообщения иезуитов. Один из них уже в 1656 г. писал, что в Ирокезии меньше ирокезов, чем чужеплеменников, что «в стране сенека живут 11 различных наций»²⁹. К концу XVII в., как установил Дж. Хант, чужеплеменники и их потомки численно преобладали в ирокезских племенах³⁰, но власть в племенном управлении сохраняли в своих руках ирокезы, лишь изредка допуская к ней «усыновленных». Включавшиеся в племя чужеплеменники формально, в силу древней традиции, «усыновлялись» отдельными племенами и общинами, но на правах людей «второго сорта». Ирокезское племя фактически превращалось в объединение разнородных по своему этническому происхождению и составу общин. Широко применявшаяся практика «усыновления» чужеплеменников была одним из ярких свидетельств распада у ирокезов родового строя.

Сама конфедерация в XVIII в. не была уже союзом родственных племен. В нее помимо близких по языку тускарора были включены на положении зависимых сиуязычные тутело и алгонкиноязычные делавары.

Нарушение родового принципа в ирокезском обществе уже в XVII в. прослеживается во всем. Нарушалась матрилинейность наследования: уже Морган отмечал случаи передачи имен от отца сыновьям. Длинный дом (овачира) как экономическая единица уже уступал место малой семье. Хотя она сохраняла еще значение как коллективный собственник земли, сообща обрабатываемой женщинами овачиры, но урожай делился между малыми семьями. В своей последней работе «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» Морган пишет: «Длинные дома ирокезов исчезли еще до начала девятнадцатого века. Современные индейцы знают о них мало и не сохранили почти никаких подробностей ни о внешнем виде этих жилищ, ни о существовавшем в них жизненном строе. Некоторые сведения об этих домах уцелели только среди тех групп индейцев, которые дорожат и интересуются своими древними обычаями. Жизнь в длинных домах стала уже достоянием предания...»³¹. Приводимые же им сведения о длинных домах ирокезов Морган почерпнул из описаний путешественников XVII в., посетивших селения ирокезов.

Отдельная семья становится товаропроизводящей промысловой единицей и собственницей частных богатств, а нередко и земли в виде лесных заимок. Ирокезы были знакомы с техникой обработки меди и бронзы, а с конца XVIII в. — серебра.

Эти изменения в области экономической сказались и на отношениях между племенами, между мужем и женой. Несмотря на сохранявшуюся матрилокальность браков, Морган в то же время устанавливает, что «влияние женщины в домохозяйстве не выходило за его пределы и во всем не отражалось на делах, касающихся рода, фратрии и племени. Влияние женщины ограничивалось пределами дома, и этот порядок со-вмещался с той жизнью терпеливого тяжелого труда и общего подчине-

²⁹ R. G. Thwaites, The Jesuit relations and allied documents, Cleveland, 1896—1901, vol. 43, p. 265.

³⁰ G. T. Hunt, Указ. раб. стр. 7.

³¹ Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 82.

ния мужу, которую ирокезская женщина покорно принимала как вечную долю ее пола»³². Вероятно, «извечность» этой женской доли была не древнее начала колонизации Северной Америки. Род на протяжении XVII—XVIII вв. превращался в объединение не только кровных родственников, но и рабов и принятых в род частей покоренных племен, причем численно последние уже в середине XVII в. перегнали самих ирокезов. Женщины и простолюдины были устранены от непосредственного участия в управлении племен. Их мнение высказывалось специальными ораторами из ордена Сосны. В выборе родовых вождей участвовали лишь знатные женщины из титулованных семей. Земледельческий труд ирокезский воин-зверолов презирал, считая его уделом женщин, пленников и покоренных племен. Так, например, мужчинам-делаварам, как сообщал Морган, ирокезы запретили заниматься мужскими делами и приказали выполнять земледельческие, женские работы³³.

Власть в ирокезском племени и конфедерации сосредоточивалась в руках трех групп племенной знати: наследственных гражданских вождей — сахемов, жрецов — «хранителей огня», военачальников и заслуженных воинов, объединенных в орден Сосны. Последние сначала допускались в Совет в роли ораторов и послов, но постепенно власть в Лиге все больше захватывалась военной элитой. Грабительские войны усиливали власть военных вождей, в руках которых скапливались значительные богатства. Это способствовало укреплению личной власти, правда еще раздельной — гражданской и военной. Разделение гражданской и военной власти соблюдалось настолько строго, что «мирные» вожди отстранялись от участия в походах. Но если сахем отправлялся в поход, го он снимал с себя «рога» как символ сахемства до своего возвращения. Даже при этом разделении власти, влияние военачальников в Лиге все более возрастало.

Длинный дом стал символом развивавшейся конфедерации. У ирокезов развилось чувство единства как «людей длинного дома». Длинный дом стал местом заседаний совета конфедерации и местом общих обрядов и празднеств. Был разработан сложный протокол проведения заседаний Советов как племенных, так и общесоюзного и сопровождающей их обрядности. Со временем общесоюзный совет распался на три различных по своим функциям Советов: 1) гражданский, ведавший вопросами войны и мира; 2) траурный, возводивший в должность новых вождей и сахемов; 3) религиозный, собиравшийся для отправления общих празднеств. В деятельности ирокезской конфедерации как в сношениях с индейскими племенами, так и, особенно, с европейскими колонизаторами проявились незаурядные дипломатические способности ирокезов. Многие из европейских колонизаторов высоко оценивали достоинства этих «лесных дипломатов».

Все особенности истории ирокезов XVII—XVIII вв. характеризуют их общество на этапе перехода от «социальной», по терминологии Морган, организации к «политической».

Сходны по своей военно-демократической структуре с ирокезской Лигой конфедерация поухатанов, объединявшая алгонкинские племена, конфедерация криков как союз мускогских племен, союзы натчезов и тимукуа юго-восточной части Северной Америки.

Об этих конфедерациях существует уже большая литература³⁴. Все

³² Л. Г. Морган, *Дома и домашняя жизнь...*, стр. 82.

³³ L. H. Morgan, *League of the Iroquois*, N. Y., 1962, p. 15.

³⁴ См., например: Ch. Feest, *Powhatan: a study of political organization*, «Wiener Völkerkundliche Mitteilungen», XIII, 1966, Bd. VIII; J. Swanton, *The Indians of the Southern United States*, Bull. 137, Bureau of American Ethnology, Washington, 1946; его же, *Social organization and social usages of the Indians of Creek confederacy*, «42-nd Annual-Report of Bureau of American Ethnology», Washington, 1928; M. Opler, *The Creek town and the problem of Creek Indian political organization*, in: «Human problems in technological change: a casebook», N. Y., 1952; F. Geary, *Priests*

эти племена дают яркий пример приспособления родовых, фратриальных и племенных делений к нуждам развивающейся военной демократии. Наряду с засвидетельствованными у них признаками становления патриархальной семьи³⁵ у большинства объединившихся в конфедерации юго-восточных племен сохранялась матрилейность наследования должностей племенных вождей в пределах правящих родов, но уже в рамках определенных семей.

Несколько иным путем шел процесс развития военной демократии у кочевников-коневодов и верховых охотников на бизонов североамериканских степей. Для аборигенного населения Северной Америки пастушеское коневодство было совершенно новым хозяйственным укладом, и возникло оно как одно из следствий европейской колонизации материка, с которой было связано и появление одомашненной лошади в Северной Америке. Индейское коневодство развивалось на протяжении XVIII — первой половины XIX в., когда все новые и новые племена переходили к кочевому образу жизни коневодов-верховых охотников от оседлого земледелия, пешей охоты и рыболовства. Переход к коневодству был важным шагом в развитии производительных сил в индейском обществе, повторившем в сжатые сроки историю кочевников Старого Света. Выделение пастушеских племен из остальной массы индейцев Северной Америки ознаменовало возникновение в этом обществе первого крупного общественного разделения труда и оказало огромное влияние на развитие всех индейских племен материка. Переход к коневодству ускорил распад родовых норм. Частная собственность на лошадей послужила основой деления общества на бедных и богатых. Война в виде грабительских набегов с целью захвата лошадей приобрела значение промысла и стала нормальным состоянием индейского кочевого общества, приобретшего черты военизированного общества.

Организация для войны и культ войны — характерные признаки социальной жизни индейских кочевников этого периода в их истории. Военно-демократический строй в этих условиях был неизбежной формой организации общества. В качестве структурных единиц его выступали институты родового общества. Племя приобретало значение политической единицы. Во главе каждого племени стоял совет, состоявший из старейшин кочевых общин, прославленных воинов, жрецов и шаманов. У всех племен мы видим разделение гражданской и военной власти. Верховная власть в племени была разделена между «мирным» вождем и военачальником. Должность первого была семейно-наследственной, но чтобы занять ее, необходимо было прославиться на поле брани. В то же время занятие поста «мирного» вождя заканчивало военную карьеру индейца. «Мирный» вождь не должен был участвовать в набеге. Но если он отправлялся в поход, то передавал свои полномочия кому-либо из приближенных. Военачальник назначался советом племени из наиболее способных и активных предводителей.

Демократические основы политического управления этих племен постепенно сужались, и власть все больше сосредотачивалась в племенном совете, в заседаниях которого принимали участие четыре класса должностных лиц: 1) мирные вожди, 2) военачальник, 3) жрецы-хранители племенных святынь и 4) заслуженные воины, заменившие собой участие вооруженного народа.

Племенная структура степных кочевников материализовалась в летнем общеплеменном стойбище. Оно развивалось в форме кольца, по которому каждая большесемейная община имела свое определенное место. В центре кольца разбивалась палатка племенного Совета — «тиотиши»

and warriors, «American Anthropological Association Memoir», 93, Menasha, 1962; «Народы Америки», ч. I. М., 1959, стр. 241, 242.

³⁵ W. S. Willis, Patrilineal institutions in Southeastern North America, «Ethnohistory», 1963, vol. 10, No. 3.

по-дакотски, т. е. «шатер шатров». «На равных расстояниях от нее,— писал К. Уисслер,— ставились палатки воинов»³⁶. Характерно сходство стойбища американских степняков с курениями древних монголов³⁷.

Становление органов публичной власти у этих племен шло по пути трансформации такого института родового общества, как мужские союзы. В условиях военизированного племени мужские союзы стали формой организации вооруженного народа, приобрели значение военных единиц, военных школ, питомников военной элиты и военных дружин. Такой же трансформации подверглись мужские союзы некоторых племен Африки. У туркана, например, «система возрастных союзов, по словам П. Гулливера, была основой примитивной военной организации»³⁸. У большинства индейских племен сложилась иерархия этих союзов; постепенно сужалась их демократическая основа, членство в каждом из них стало определяться происхождением, успехами на поле брани, богатством и возрастом. Бедняки не у всех племен могли стать членами мужского союза или объединялись в союзы, стоящие на низшей ступени иерархической лестницы. В каждом племени один из мужских союзов выполнял функции органа господства богатой племенной верхушки. У одних племен сохранялся еще принцип очередности наделения этими функциями различных военных союзов на сезон летнего объединения племени в общее стойбище. У других (черноногих и чейенов, например) эти функции были закреплены уже лишь за одним из военных мужских союзов. Члены такого общества (акацита по-дакотски) облакались советом племени широкими полномочиями: они следили за порядком и проводили в жизнь решения племенного совета. Они пользовались большими правами, вплоть до применения физической силы. Об этом говорил кнут, вручавшийся им при церемонии назначения.

Роль индейских акацита можно сравнить с ролью древнерусских дружинников, древнемонгольских нукеров. И те и другие выполняли функции военных слуг племенной верхушки. Помимо сезонного выполнения полицейских функций военным союзом, при каждом «мирном вожде» постоянно состояло несколько воинов — его телохранителей, помощников и советников. Военачальников везде сопровождала дружина. Их влияние определялось успехом в организации походов, щедростью в раздаче военной добычи. Военные заслуги не наследовались, но могли быть «подарены» одним воином другому. Этим пользовались молодые люди из богатых семей, принимая подобный «дар» от простых воинов, когда им не хватало воинских отличий для занятия того или иного поста.

Война обогащала и усиливала влияние военной элиты, восстававшей против наследственных «мирных» вождей и нередко узурпировавшей их места.

Борьба между наследственными «мирными» вождями и военачальниками, окруженными дружиной,— характерная особенность индейского кочевого общества XVIII — начала XIX в.

Влияние военачальников необыкновенно возросло в период индейских войн против наступавших на степи колонизаторов. По существу политическая организация многих индейских племен первой половины XIX в. на короткий период приобретала черты военно-олигархического строя, крушение которого наступило вместе с победой войск колонизаторов и разгоном индейцев по резервациям.

Оборонительно-наступательные военные союзы отдельных племен степняков были характерной чертой их военно-демократического строя.

У индейцев северо-западного побережья Северной Америки военно-

³⁶ С. Wissler, *North American Indians of the Plains*, N. Y., 1922, p. 94.

³⁷ Б. Я. Владимирцев, *Общественный строй монголов*, Л., 1934, стр. 37.

³⁸ См., например, Т. Н. Gulliver, *The Turkana*, «Man in adaptation», Chicago 1968, p. 285.

демократический строй складывался на основе высокопродуктивного по тем условиям рыболовно-охотничьего хозяйства.

Наиболее ранние сведения об общественной жизни племен этого района Северной Америки свидетельствуют о том, что они переживали этап распада норм родового общества. Наличие наследственного патриархального рабства говорило о довольно длительном периоде его существования и об экономической значимости рабского труда. Хотя рабство здесь не было еще основой способа производства, но в хозяйствах племенной знати эксплуатация труда рабов имела важное значение. С этим было связано и формирование идеологии рабовладельцев, презиравших всякую черную работу. В социальном плане рабство было ведущим элементом, определявшим ход общественного развития этих племен. С его появлением возникло первое классовое деление общества на рабов и рабовладельцев. С рабством же было связано и деление свободных на племенную знать и простолюдинов. Наряду с рабством здесь возникают элементы эксплуатации и закабаления простых общинников.

Материальной основой всех этих процессов в жизни указанных племен был рост производительности труда в рыболовстве, как высоко специализированной отрасли индейского хозяйства, развитие оживленной торговли его продуктами как между племенами побережья, так и последних с внутриматериковыми племенами. В торговле вдоль побережья от Аляски до Калифорнии особым товаром были рабы. Военные набеги были основным источником рабов, этого ценнейшего вида частной собственности, обладание которым определяло место человека в обществе. Не удивительно поэтому «господство военного духа» в обществе индейцев северо-западного побережья, проявившегося во всех сторонах их социальной и духовной жизни. Война была не менее важным промыслом, чем рыболовство, но наиболее почетным и достойным племенной знати занятием. Совершенствование в нем, воспитание и закалка воинов с детских лет, проповедь воинской храбрости были в центре повседневной жизни индейцев. Именно поэтому так богат военный эпос индейцев. В генеалогических легендах воспевались прежде всего воинские подвиги и храбрость предков, прославившихся разбойничьими набегами на другие племена, уничтожением селений и порабощением вражеских племен. Особенно почетным считался захват в рабство знати. Характерна в этом отношении военная эпопея квакиютлей о воине «Каменное тело». Интересно также отметить, что наряду с воспеванием воинских достоинств индейских вождей и военачальников в фольклоре индейцев нашла свое отражение также тема борьбы рабов за свое освобождение.

В отличие от внутриматериковых племен здесь развивалась тактика морских набегов. Возглавляли эти набеги обычно члены семей вождей — их младшие братья или племянники, снабжавшие своих старших братьев и дядей рабами и богатствами. Имена-титуты военачальников были семейно-наследственными. У всех племен шел процесс усиления роли в общественной жизни военачальников, превращавшихся из слуг вождей в военно-дружинный слой, нередко диктовавший вождям свою волю на племенных советах.

Все эти особенности социальной жизни племен северо-западного побережья несомненно характеризуют их как общество, находящееся на этапе военной демократии, органы управления которой носят еще черты родо-племенной организации.

Рабам противостоит организация рабовладельцев. Эксплуатация и бесправие рабов сначала как бы оправдываются и узакониваются тем, что они чужеродцы. Но постепенно происходит закабаление сородичей и соплеменников, что вызывает внутренние противоречия, для разрешения которых потребовались другие органы публичной власти. Ими стали соответственно трансформированные в тайные общества древние мужские союзы. Они превратились в организации богатой знати, которая исполь-

зовала их для терроризирования и устрашения бедняков и рабов. Эта трансформация мужских союзов в органы господства родо-племенной верхушки характерна не только для племен этого района. Мужские союзы используются господствующей знатью как своеобразные органы подавления и в Меланезии³⁹, и в Африке⁴⁰. Сходный с индейцами северо-западного побережья путь становления классового общества и ранней государственности прослеживается на юго-востоке Северной Америки у индейцев калуза — рыболовов и собирателей морских моллюсков юго-западной Флориды⁴¹.

Современные исследования политической жизни различных народов убедительно говорят о том, что военно-демократическая организация возникает там и тогда, где и когда развитие производительности труда внутри родового общества делает возможным производство и частное присвоение прибавочного продукта. С этим связано возникновение и развитие форм общественного разделения труда и развитие обмена, способствующих росту частных богатств.

Древние роды раскалываются на богатых и бедных, появляется рабство. На первых порах возникающая частная собственность сосуществует с родовой и племенной собственностью и носит оболочку коллективной собственности. Наиболее ярко это проявляется в возникающих повсюду на этом этапе аналогичных индейскому потлачу институтах публичной раздачи частных богатств. Богатство как основа социального неравенства получает общественное признание только через публичную его раздачу. Щедрость определяет место человека в обществе, степень его влияния и власти. Накопление частных богатств приобретает значение важнейшей общественной цели. Но формы эксплуатации соплеменников носят еще неразвитый характер, поэтому война приобретает значение одного из главных источников обогащения, становится промыслом.

Диалектическая сущность этой эпохи заключается в том, что крушение основ родового общества происходит путем использования институтов самого этого общества. Изменяется сущность самих родов, которые превращаются в объединение богатых и бедных, наряду с сородичами большой процент начинают занимать принятые в род бедняки и военнопленные. Родовые отношения взаимопомощи перерождаются в отношения эксплуатации богатыми сородичами бедных. Родовые связи и освященные традицией права и обязанности сородичей используются богатой родовой верхушкой как средства внеэкономического принуждения. Отсюда небывалые прежде размеры адаптации в род. Древние мужские союзы превращаются постепенно в органы господства богатых. Экономической единицей в обществе постепенно становится патриархальная семья, включающая рабов. Территориальной единицей военно-демократического общества становится соседская община в различных ее формах — сельской, рыбацкой, кочевой.

Союзы племен являются характерной чертой этой эпохи. Образование конфедераций племен в период военной демократии означало не только сближение и смешение разноплеменников и начало образования народностей, но и возникновение отношений специфической субординации в рамках племенных объединений.

В процессе развития общества на этом этапе «весь родовой строй, — по словам Энгельса, — превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а со-

³⁹ См. С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, № 3—4.

⁴⁰ J. W. Butt-Thompson, West African secret societies, London, 1919; B. Barnardi, The age system of the Nilo-Hamitic peoples, «Africa», 1952, vol. 22.

⁴¹ J. Goggin, W. C. Sturtevant, The Calusa: a stratified, nonagricultural society (with notes on sibling marriage), «Explorations in cultural anthropology», N. Y., 1964.

ответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁴².

В работах западных этнографов этап военной демократии часто обозначается то понятием «государство, основанное на родстве» (*kinship state*), то «безгосударственное общество», то как «управление вождей». Последнее иногда определяется как разновидность «безгосударственного общества»⁴³. Как нам представляется, лишь понятие «управление вождей» в какой-то степени характеризует, но только одну сторону, сущности этой эпохи — власть вождей, но игнорирует роль войны в установлении и укреплении этой власти.

Что касается первого термина, то, как мы стремились показать, это общество уже не родовое, но это еще и не государство, хотя родовая структура в нем сохраняется как форма становящейся государственности. Выражение «безгосударственное общество» слишком не конкретно, потому что и родовое общество является безгосударственным, и антиисторично было бы отождествлять его с эпохой военной демократии — по существу эпохой крушения, отживания всех основ родового общества. Термин «военная демократия» на наш взгляд, наиболее точно определяет сущность изучаемой нами эпохи.

Накопленные на сегодняшний день этнографической наукой данные позволяют говорить об универсальности военной демократии как формы общества к классовому. Отмеченная Энгельсом главная закономерность становления ранней государственности на этапе перехода от родовой общности этого этапа — превращение органов родового строя в органы становящейся государственности — подтверждается теперь конкретным материалом. Не только родовые подразделения и племена становятся политическими единицами структуры возникающей государственности, но и такие институты родового общества, как мужские союзы и тайные общества, трансформируются в органы становящейся власти.

Такой признак родового общества как матрилинейность счета происхождения и наследования у многих народов сохраняется в праве наследования должностей по материнской линии. Но наряду с этим идет процесс становления патриархальной семьи. Происходит маскулинизация материнского права: вытекающими из него правами начинают пользоваться только мужчины. По существу едва ли не каждый институт родового общества превращается в свою противоположность.

ON THE PLACE OF MILITARY DEMOCRACY IN THE HISTORY OF THE NORTH AMERICAN INDIANS

Up to recently the science of ethnography has paid insufficient attention to the peculiar features of the transitional period from gens society to class society. The main causes and laws of this period have been well defined in the work of Engels «The origin of family, private property and the state». Recent ethnographic data supports the profound scientific validity of Engels' conclusions. In the works of L. H. Morgan and F. Engels this period was termed «military democracy». In the author's opinion this term describes the period under examination more accurately than such concepts as «kinship state», «stateless society», «chiefdom».

Military democracy is an incipient form in the genesis of the state. This was a heroic period in the history of each people characterized by a cult of war and heroes. War had become a regular pursuit and organization for war was the normal state of society. Democracy in that period developed from the democracy of gentes, but it took the shape of government by warriors. The socio-economic basis of these warrior societies comprises the development of private property and inequality in its distribution, the rise of exploitation and antagonistic classes. It is a universal stage in the development of the state.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164—165.

⁴³ J. A. Cohen, Social boundary system, «Current Anthropology», 1969, vol. 10, N 1, p. 104; J. Guiart, La chefferie en tant que forme primaire de L'Etat, «Tr. VII Междунар. конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967.